

хронный (собственно исторический, уходящий вглубь веков), но синхронный тип исследования» [5, с. 240] современности.

Итак, что нового для современного исторического познания скрывается за выходом рассматриваемой монографии О.М. Медушевской? Во-первых, «когнитивизм» в исторической науке возвращает ученых к проблематике изучения современности, исходя из наблюдения за ней самой (подвергая при этом принцип историзма неумолимой критике как индикатора «традиционной» парадигмы «нарративизма»), – подвигает к изучению саморазвивающейся системы с четкими структурами и функциями произведенных мышлением человека интеллектуальных продуктов, к способу наблюдения и возможностям упорядочивать компаративно и целостно информационную картину современности, получая фундаментальное, философски ориентированное знание. Во-вторых, позволим себе высказать предположение, что представление и активное обсуждение в профессиональном сообществе историков идеалов и норм когнитивной истории является «историографическим фактом» и знанием, выявляющим какие-то системные свойства самой окружающей ученых реальности: как появление источниковедения в XIX в. было обусловлено «становлением национально-государственной идентичности Нового времени» [5, с. 150], так и появление теоретико-методологического трактата О.М. Медушевской «в снятом виде» обусловлено социокультурными детерминантами настоящего времени, которое предполагает в перспективе системный подход к изучению структур и функций конкретного типа информационного общества в условиях преодоления т.н. когнитивного диссонанса.

Книга О.М. Медушевской в качестве базового инструментария предлагает нам теорию и методологию когнитивной истории. Будет ли это воспринято профессиональным сообществом в качестве единого проекта «модели потребного будущего» (Н.А. Бернштейн) современной российской исторической науки, покажет ближайшее время.

1. Кукарцева, М. Предисловие переводчика / М. Кукарцева // Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – С. 11–68.
2. Максимов, Л. В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли / Л. В. Максимов. – М. : РОССПЭН, 2003. – 160 с.
3. Матурана, У. Древо познания / У. Матурана, Ф. Варела. – М., 2001. – 224 с.
4. Медушевская, О. М. Методология истории : учеб. пособие / О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. – М. : РГГУ, 1997. – 72 с.
5. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М. : РГГУ, 2008. – 358 с.
6. Савицкий, Е. Е. «Откуда ждать нового?»: О критериях новизны в современной историографии / Е. Е. Савицкий // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век : мат-лы междунар. науч. конф. – М. : ИВИ, 2008. – С. 241–243.
7. Согрин, В. В. Современная историографическая революция / Согрин В. В. // Новая и новейшая история. – 2009. – № 3. – С. 99–106.
8. Юрганов, А. Л. Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. – М. : МИРОС, 1998. – 468 с.

**Минц С.С.**

## **ОСОБЕННОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ КООПЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ДЕФРАГМЕНТАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**

Классическое историческое знание отличалось тяготением к осознанию своей специфики и качественной целостности. В отличие от него, историческое знание эпохи постмодерна пока более активно стремится к дезинтеграции исследовательского поля, к поиску специфики предмета своего исследовательского интереса, к институализации внутри весьма узких как познавательных, так и социокультурных границ.

Активное появление замкнутых предметных областей внутри некогда единого поля исторического знания связано с перераспределением функций исторического знания в социумах разной степени устойчивости, с изменением положения исторических знаний в системе идентичностей, склонных к кризисным состояниям, с особенностями положения институализированного исторического знания внутри формальной и неформальной структур организации различных интеллектуальных сообществ. Изменение геополитических реалий в современном мире разрушает не только устойчивые связи мировой экономики и политики. Оно оказывает свое действие и на историческое сознание, порождая устойчивый социальный заказ с одной стороны на мифологизированное историческое знание, с другой – на более активные поиски средств верификации исторических конструкторов.

Выделяющиеся области разрабатывают свой научно-терминологический аппарат. При стремлении к ускоренной конституализации он нередко имеет тяготение к цеховой замкнутости. Тогда в нем появляются признаки «птичьего языка» (о чем, скажем, незадолго до своей кончины нередко говорил известный философ и социолог И.С. Кон). Эти перегибы имеют ярко выраженные идентификационные функции и эффективно разрушают устойчивые горизонтальные связи, позволяют рождающемуся и пока слабо сплоченному сообществу достаточно быстро осознавать свое единство.

С потребностью самоактуализации связана такая черта появляющихся научных сообществ, как акцентуирование (аналогия с термином «акцентуация», он широко используется в психологии личности; подробнее об этом: К. Леонгард или А.Е. Личко [1–3]). Чрезмерная концентрация научного сообщества на своей особости или исключительности порождает почти болезненное отношение к другим исследовательским интересам или интерпретациям похожих проблем. Состояние временное, остро переживаемое как внутри профессионального сообщества, так и вне него. Именно оно порождает уверенность в преобладании кризисной ситуации в историческом познании в целом. Собственная профессиональная ассоциация, независимо от степени ее институализации, кажется островком стабильности в море изменяющихся симулякров.

Самоопределяющиеся области настаивают на самостоятельности своей источниковой базы, создают свой теоретико-методологический аппарат, что, в общем-то тоже сначала связано с потребностями личностной и коллективной идентичности, а уж во вторую, а то и в третью очередь – с необходимостью расширять и углублять поле исторического знания в целом. Теоретико-методологические поиски в каждой из выделяющихся областей ведутся по линии междисциплинарной кооперации.

Множащиеся сегменты исторического знания требуют новых источников. Обращает на себя внимание комплексный характер тех из них, которые приобретают общеизвестность среди историков разных направлений и предметных областей.

Возьмем, например, биографический метод, родившийся внутри общего предметного поля исторического знания. На фоне тяготения исторического знания начала – первой трети XX в. к осознанию роли среднестатистической личности в социальных катастрофах и историческом движении [см., напр.: 7, 9] росла потребность ученых в осознании роли личности индивидуальной. Этой потребности, заметно реализовывающей себя в работах второй-третьей трети XX в., биографический метод и обязан своим победительным шествием в исторических исследованиях. Его функции – подчеркнуть внимание историка к личности исторического героя, обозначить место и функции актора истории в пересечении объективных закономерностей, казалось бы, свободных от влияния индивидуума [см., напр.: 10]. Операциональной оригинальности биографический метод не имеет. Потребность собрать как можно больше документов, характеризующих изучаемый объект, – его положительное свойство, но отнюдь не его привилегия.

Популярность биографического метода среди историков, антропологов, социологов, этнологов, специалистов по истории детства, семьи и т.д. и т.п. породила новое понятие для обозначения видовой принадлежности исторических источников – «эго-источники». В отечественной источниковедческой традиции этот термин, как отмечают специалисты, носит маргинальный характер, поскольку его употребление связано не с исследовательской необходимостью, а с потребностью исследователя определить свое положение по отношению к «официозу», «переоценке устоявшихся классификационных схем», «переосмыслению проблематики» и т.д. [подробнее об этом: 6, с. 230–235]. То есть перед нами все те же проблемы, рожденные сознанием исследователя и проблемами его профессионального самоопределения.

Казалось бы, биографический метод и эго-источники должны стать основой теоретико-методологической базы такой сферы исторических знаний, как историческая биографика. Так и было заявлено, когда эта исследовательская область стала обозначать собственную самостоятельность. Но если мы возьмем те работы, где проблема междисциплинарной кооперации присутствует не как глубинная мало осознаваемая потребность, а осознается как специально поставленная научная задача, то мы увидим, что вместо абстрактного биографического метода авторы четко заявляют использование конкретных полидисциплинарных технологий. Одни это делают, не вписывая свои исследования в массу слабо осознающих себя малых пограничных исследовательских сфер. Как правило, это происходит на начальной стадии введения в исследовательскую практику новой проблематики. Другие, как например, И.Ю. Николаева,

О.Н. Мухин [5, 4], четко показывают место полидисциплинарного анализа в иерархии сложившихся возможностей междисциплинарной кооперации. При обоих способах определения методологического потенциала выполняемого исследования технологии, заимствованные из разных областей знаний, попадают в контекст исторического исследования, частично видоизменяются с учетом специфики конкретной источниковой базы и не противоречат друг другу, а, напротив, помогают верифицировать полученное историческое знание, превращают его из предположения или размышлений по поводу фрагмента текста источника в систему доказанного исторического знания.

Международное сотрудничество, необходимость переводить вводимые термины с языка на язык и объяснять их, ускоряет тренды к объединению научного опыта. Через кажущуюся дезинтеграцию исследовательского поля готовится кооперация иного уровня, другой логической емкости и, что более важно, более сложной системы связей.

Современное поле знаний напоминает сеть перевернутых пирамид. У их основания – узкие предметные поля, которые работают как точки притяжения. Снизу, от тематики исследования, они втягивают в расширяющуюся воронку проблематику и достижения смежных дисциплин, постепенно выводят исследуемый предмет на более высокий уровень, за рамки предметного поля первоначального конкретного исследования.

Полидисциплинарная природа новых областей исторического (и шире – социогуманитарного) знания стимулирует потребность в метанаучном знании и метатеориях типа «социальной истории» или «новой научной истории». В современном дезинтегрированном поле они становятся опорами его новой конфигурации. В науке рубежа XX–XXI вв. такую структурирующую роль выполняют теория формаций, теория цивилизаций, модернизационная теория, глобализационная теория и так называемая альтернативная история, позволяющая проигрывать различные варианты возможного исторического выбора на имитационных моделях [8, с. 199–283]. Пока такие метатеории не отсепарированы в обилии переходного новояза, социогуманитарное знание находится в состоянии исчезающего равновесия.

Выделенные научной рефлексией точки бифуркации со временем обозначаются как «повороты» в научном знании. В современной социогуманитаристике чаще всего говорят о «лингвистическом повороте» в истории и «историческом повороте» в социологии. Но гораздо раньше были «социологический поворот» в философии (придание статуса метатеории марксизму), «культурно-исторический» в психологии (конституализация культурно-исторической теории Л.С. Выготского), «социально-психологический» в культурологии (выделение из массы воззрений на цивилизации взглядов А. Тойнби как целостной теории, достойной преимущественного цитирования), «историко-психологический» в искусстве и т.д. Междисциплинарные «повороты» – способ развития и усложнения научного знания, залог его стадийной целостности в условиях любой самой множественной фрагментации познавательного поля.

1. Леонгард, К. Акцентуированные личности / К. Леонгард. – Ростов н/Д : Феникс, 2000. – 544 с.
2. Личко, А. Е. История глазами психиатра: Иван Грозный, Сталин. Гитлер и другие / А. Е. Личко. – Б/м : Адиты, 1996. – 135 с.
3. Личко, А. Е. Психопатия и акцентуализация у подростков / А. Е. Личко. – СПб. : НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2010. – 256 с.
4. Мухин, О. Н. Личность Петра I в контексте специфики процессов российской модернизации: историко-психологический анализ / О. Н. Мухин. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. – 448 с.
5. Николаева, И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного / И.Ю. Николаева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 302 с.
6. Суржикова, Н. В. Это странное слово «эго-документы»: интеллектуальная мода или осознанная необходимость / Н. В. Суржикова // Документ личного происхождения в теории и практике научных исследований / отв. ред. Н. В. Середа. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. – С. 230–235.
7. Франк, С. Л. По ту сторону «правого» и «левого» / С. Л. Франк // Новый мир. – 1990. – № 4. – С. 226–233.
8. Хут, Л. Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI веков: монография. – М. : Прометей, 2010. – 704 с.
9. Шелер, М. Ресентимент в структуре моралей // Макс Шелер и Россия. Информационная система [Электронный ресурс] М. Шелер. – Режим доступа: <http://www.max-scheler.spb.ru/content/view/86/37/>.
10. Zelnik, R. E. Law and disorder on the Narova River: The Kreenholm Strike of 1872 / R. E. Zelnik. – University of California, 1995. – 332 p.